

АЛЕКСАНДРА БАЎТ

КЛУБ
АНОНИМНЫХ
МСТИТЕЛЕЙ

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б18

Редактор серии *А. Гостюнина*

Художественное оформление серии *Г. Ганжи*

В оформлении переплета использована иллюстрация

© jumpingsack / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com.

Байт, Александра.

Б18 Клуб анонимных мстителей / Александра Байт. — Москва : Эксмо, 2023. — 448 с.

ISBN 978-5-04-187281-6

Рита не верила в психологические тренинги и групповую терапию, но «Клуб» напоминал тайное сообщество, куда приглашали только избранных. Избранных и обиженных. Тех, кого разъедала изнутри ненависть к неверным партнерам, предавшим друзьям, жестоким одноклассникам.

У руководителя «Клуба», дипломированного психолога, был свой метод исцеления душ. Месть.

За возможность отомстить врагам придется заплатить. Кому-то — репутацией, кому-то — любовью, а кому-то — жизнью...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бузина А., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-187281-6

Все персонажи и события являются
вымышленными.

Любые совпадения с реально живущими или жившими людьми случайны.

Пролог

— Сядьте поудобнее, расслабьтесь, закройте глаза, вытяните ноги, пусть руки свободно свисают... Здесь вы — в полной безопасности, в компании единомышленников, — мерно, успокаивающе звучал голос ведущей. — Мы не осуждаем, не заставляем говорить, если вы не готовы. Впереди нас ждет длинный путь, который мы одолеем вместе...

Я послушно выполняла команды такой спокойной и понимающей психологини, но долгожданного расслабления не наступало. Даже наоборот: к клокодавшему внутри, будто в адовом котле, замесу эмоций добавлялось гаденькое циничное желание вскочить, отшвырнув стул, заорать, послать все и всех подальше — сделать хоть что-нибудь, только бы расшевелить этих несчастных терпил вокруг.

Приподняв веки, я покосилась на Аньку — подруга покорно распласталась на стуле и, зажмурившись, наверняка вспоминала по заданию ведущей постигшую ее невиданных масштабов обиду. Я хмыкнула про себя: эка невидаль, застукала своего тусклого до ноющей боли в зубах кавалера с какой-то девицей в пиццерии неподалеку от дома! Потом долго и абсолютно беззубо верещала на все заведение, рыдала и грозила «отступнику» карами небесными...

Анька, как это часто бывает, была заправским сапожником без сапог. Подруга кичилась дипломом психолога, преспокойно опуская тот факт, что многие из институтских заданий — как правило, самые креативные — в свое время накидывала ей по телефону я. Осев на работе в отделе кадров какой-то конторы средней руки, она который год бредила карьерой в тренингах и таскала меня на все мало-мальски заметные душекопательные занятия. Это был тот самый случай, когда проще было подчиниться, чем объяснить, почему не пойдешь, — вцеплялась Анька мертвой хваткой.

Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что на нынешнюю групповую терапию я согласилась без обычного предубеждения. «Работаем с обидами. Выслушаем, поймем, научим справляться с острыми эмоциями. Здесь вы встретите тех, кто столкнулся с обидами похлеще вашей, — и осознаете, что у вас-то все еще не так плохо!» — последний пассаж рекламной листовки немного смягчил мой скепсис.

Увы, на тренинге царила унылая тягомотина: всхлипывавшая девушка поведала о травле в школе, потом все желающие высказали слова поддержки и пообнимались под крики «Мы вместе!». Грешна, тоже покричала, чтобы не выбиваться из компании, но зревший в душе протест грозил в любой момент вырваться наружу.

Эх, да что вы знаете об обидах, дети! Обида — не заброшенные прыщавыми юнцами на дерево кроссовки и уж точно не свидание твоего никчемного парня с блеклой, ему под стать, барышней. Все это вполне можно было пережить — и благополучно забыть. Или даже отыскать в этом скудоумную мотивацию: пестовать обидку под низкосортную душещипательную песню и, размазывая по физиономии остатки макияжа, сочинять хитроумные планы мести.

Все это слишком мелко и недостойно хлесткого термина «обида». Того разъедающего тебя изнутри, будто чистая, незамутненная кислота высочайшей концентрации, ощущения, тех отчаянных рыданий, когда, кажется, вот-вот выплунешь собственное сердце, и того бессилия, от которого хочется рвать себя, как когтями. Я знаю, что это такое. Я знаю об этом все.

Обида моя тянет на солидную цифру с шестью нулями. Сколько ни уводила себя от желания посчитать, на какую сумму меня обобрали, а все-таки сдалась — и, проведя нехитрую поверхностную калькуляцию, пришла в ужас. Двенадцать соток на престижном северо-западе области, добротный дом с обстановкой — наверняка я еще поскромничала в расчетах!

Хотя плевать я хотела на деньги. Наверное, я — набитая опилками дура без «лавэ», но никогда не мерила на деньги людей и обстоятельства. Вот и в этой истории все свелось к банальному «вишневому саду»: после смерти моего бесхарактерного деда выяснилось, что дача, на которой я выросла, где знала каждый уголок, со всеми «намоленными» фотографиями, картинами и записками родных, уже год как принадлежит... дочери его бойкой второй жены!

— Закрыли глаза, закрыли, — послышался совсем рядом мягкий, но настойчивый голос, и я вздрогнула, осознав, что на время «вылетела» из процесса расслабления. Веки опустились, давая мне возможность сосредоточиться на словах психологини. — А сейчас пусть каждый представит себя там, где ему комфортнее всего. Может быть, это пляж с белым песочком и море, или, например, дождливый весенний Париж со свежей зеленью и теплыми круассанами, или...

...или дачный поселок писателей в пятидесяти километрах от родной столицы. Красивое, но, наверное, ничем

не примечательное место — за исключением того факта, что только там я и была по-настоящему счастлива. Помню, как взлетала на старых деревянных качелях, мечтая, что стану певицей... нет, следователем... а может, знаменитым журналистом с ордой поклонников. Вдали полыхало заходящее солнце, я с наслаждением подставляла лицо его слепящим ласковым лучам — и мечтала, мечтала, мечтала... Это была моя жизнь. Маленький мир самой обычной наивной девочки с косичкой, сердце которой рвалось от радости за то, что уготовано ей в будущем. Но, как водится, девочка жестоко ошибалась...

«Ленок — хозяйка! И точка. Так решил твой дед. И перестаньте с матерью названивать, мне надоели эти дразги», — не далее как позавчера отрезала по телефону «безутешная вдова» деда. Даже не знаю, что привело меня в большее бешенство: категорическое нежелание циничной ведьмы идти хоть на какой-то контакт или это простецкое, гаденькое «Ленок».

Двадцать лет назад я, еще девочка-подросток, скрепя сердце смирилась с желанием деда вновь обзавестись семьей. По современным меркам он был еще совсем не старым, да и бабушки к тому моменту несколько лет как не было на свете. Случайно познакомился в санатории с медсестрой, «разведенкой» чуть старше моей мамы, воспитывавшей дочь — мою ровесницу, как раз ту самую Лену. «Окучивает», — дружно вздыхала родня, не понимая, что именно мой вполне себе интеллигентный дед мог найти в этой хамоватой тетке.

Она была... темной. Знаете, как бывает: смотришь на человека и, какими ни были бы его глаза и волосы, какого цвета ни была бы на нем одежда, видишь кромешную тьму. Словно внутри все выжжено злобой, и душа — пепелище, на котором давно не тлеет ни уголька. Такого тронь — и будто дуновением ветра весь пепел, всю грязь

вынесет наружу. Так и будешь стоять под этим мерзким зловонным градом, не в силах защититься от летящих в тебя черных комков. Можешь заходиться от бессилия, можешь пытаться что-то доказать, срывая голос и стирая до крошек зубы, — тьма будет лишь уплотняться, надвигаться неумолимой тучей, поглощая без остатка... И ты тоже станешь темным, только от горя и унижения. Научишься провозглашать пустые речи о том, что «справедливость еще восторжествует», станешь часто «дремать» в метро, чтобы никто не видел за закрытыми веками слезы, а они будут жечь глаза, и внутри у тебя навеки поселятся безнадега и тьма...

— Нет!!! — вырвал меня из оцепенения чей-то голос, и, резко встряхнувшись, я в ужасе поняла, что кричала сама. Глаза распахнулись, и меня встретили с десяток ошарашенных взглядов. Все вокруг окутало густой тишиной. Мне не было стыдно, о нет! От вида покорных, несчастных, искренне взволнованных товарищей по терапии впору было зайтись в ярости. Зачем они сидят здесь, возвращая в себе обиды и находя какую-то особую, извращенную эйфорию в ничтожном самокопании? Зачем им это нелепое упоение от роли несправедливо униженных, глупое самопожертвование, никчемное смирение? И главное, зачем все это МНЕ?..

Вскочив на ноги и резко отбросив стул, я в бешенстве полетела к дверям, бессвязно рыча что-то о ничтожествах, которые всю жизнь только и делают, что сносят пинки да скулят. Судя по бессвязным окликам и цокоту каблучков за спиной, Анька припустила следом в надежде меня образумить. Нет, нет и еще раз нет! Я не смирюсь. Я не стану жертвой. Никогда!

Глава 1

— Ну как ты, воительница? — насмешливо бросила Анька, переступив порог моей квартиры. — Всю жизнь была «танком в березках» — и отрадно, что хотя бы это с годами не меняется! Ведущая тренинга жаловалась, что тебе удалось посеять сомнения в рядах этих бедняг, ее подопечных. Сама эффективность метода оказалась под вопросом, о как! В харизме тебе не откажешь. С нами не просто отказались работать — твоими стараниями мы теперь точно не попадем ни на одно подобное мероприятие, «рекламку» нам обеспечат по высшему разряду!

Вздохнув, я уныло поплелась на кухню делать чай, жестом пригласив Аньку следовать за мной. Прошедшая с момента памятной истерики неделя основательно охладила мой пыл. Сначала мне было стыдно — даже не того, что сорвалась на этих бедняг, утратила остатки терпения, а с ними — и все нормы приличия. Главное, я «потеряла лицо», показала, как сильно переживаю, и от этого мое унижение от ситуации с дачей стало еще более явственным.

Стыд и в который раз оскорбленное достоинство грызли меня изнутри все эти дни, вполне ожидаемо заставив снова съехать на ярость. Глуша мерзкое чувство провала, накатывавшее обычно к вечеру, когда отступала привычная будничная суета, я на все лады поносила деда, его «черную вдову», ее хамку-дочь, добрую недалекую пси-

хологиню и всех этих несчастных глупцов с тренинга по борьбе с обидами. А потом все самые красочные эпитеты вдруг иссякли — и в душе осталась зиять пустота, эта уже знакомая темная дыра, выжженная ненавистью.

Мерный стрекот Аньки заставил меня очнуться от неутешительных мыслей. Пока я метала на стол чашки и конфетки, подруга вдохновенно говорила о чем-то... Да о чем же? Ох, пора мне, видимо, и правда забыть оскорбление как страшный сон, а с ним — и эту окаянную дачу со всем скопищем обиженной родни и горой псевдоценной фамильной макулатуры. Иначе скоро я совсем потеряю навыки коммуникации и начну распугивать людей одним своим грозным видом царевны Софьи с картины Репина.

— ...это был главный ресурс, на это ты опиралась в жизни, — вещал между тем мой доморощенный психолог. — Ты придумала себе легенду, сказку о легионе родни, готовой горой постоять за тебя даже с того света. Жила в этой иллюзии долгие годы. И тут эта сказка — вжих-х-х!!! — и рухнула. Один ресурс сменился другим, теперь твоя главная движущая сила — ненависть. Но силенок превратить это в настоящий стимул для развития, увы, нет. Ты топчешься на месте, заходишься в бессилии. Смирись уже тогда, или...

— И ты туда же!!! Подвешивай мозги своим дурикам на работе, Фрейд, они с готовностью схавают этот протухший продукт! Вас специально, что ли, учат толкать этот нудеж про ресурсы и прочую фигню? Да пойми ты, психолог — это не тот, кто насобачился орудовать умными словами! Нужно видеть человека насквозь, влезать в его шкуру, смотреть на мир его глазами! Чувствовать его настолько, чтобы прицельно бить словами в десятку, на интуиции, на проникновении. Психолог — тот, кто способен «ходить в чужих ботинках»... — Разогнавшись,

я осеклась на полуслове, заметив, что Анька каменной глыбой застыла на месте.

Ого, оказывается, не все эпитеты у меня иссякли, и оскорблять я по-прежнему умею! И ведь сама ударила прицельно, по больному месту, упрекнув в нетонкости и по большому счету в профнепригодности. Потому что глубокая, сотканная из сомнений и полутонов психология и моя старательная, рациональная подруга обитали будто на разных планетах. Глядя на Аньку, утонувшую взглядом в чашке с чаем, чтобы не заплакать, я уже на чем свет стоит поносила свою дурацкую прямолинейность и желала — в который раз за последнее время — провалиться куда-нибудь поглубже, в преисподнюю.

— Ань, ну прости. — Я сорвалась с места и приобняла своего горе-психолога за плечи, покачиваясь с ней из стороны в сторону. — Я очень тебя люблю, ценю твоё желание помочь и, кстати, твои советы как специалиста. Дело не в тебе, а в моей безнадежной ситуации. Ни характера, ни нервов. Да, я не могу с этим справиться. Но... не надо меня «лечить». Это бесполезно, сама понимаешь. Должно пройти время...

Я еще долго говорила, умасливая ее и заглаживая вину за очередной срыв. Отходчивая подруга мягко погладила меня по руке, но все равно продолжала всхлипывать. Мы дружили с первого класса, и я точно знала, что после редких ссор нужно вовремя переключить ее внимание на что-то злободневное — и любопытная Анька тут же отгадет, забыв все претензии. Как назло, ничего путного в голову не приходило. Ресурсы, дача, обиды, тренинги, смирение... Да вот же!!!

— «Или!» — провозгласила я, встряхивая Аньку за плечи. Сейчас мы снова пробудим к жизни психолога, покажем, как важны ее советы. Покривить душой ради

дружбы — не грех. — «Или!» Ты только что сказала: «Смирись, или...» Что «или»? Что ты имела в виду?

Анька мгновенно преобразилась. Слезы на простодушном лице разом высохли, зеленовато-рыжие глаза распахнулись, а из круглого розового рта вылетело, тут же повиснув в воздухе и обретя чуть ли не материально осязаемую значимость, одно слово:

— Клуб.

* * *

Минут пять мы, склонившись над столом, изучали Анькины малоинформативные каракули на обратной стороне основательно пожеванного чека.

— Извини, записала на первом, что подвернулось под руку, — беспечно бросила подруга в ответ на мое красноречивое раздраженное молчание. — Момент удачный подвернулся, нужно было спешить. Позвонила клиентка с прошлой работы, да ты ее знаешь по моим байкам... Жизель.

Я понимающе кивнула. Прекрасно помнила эту тетку не первой молодости, какую-то обеспеченную бухгалтершу, главным хобби которой были походы по разного рода ловцам и лекарям душ. Тетку отличала изобретательность по части выдумывания проблем, а свое негласное прозвище в наших сплетнях она получила за привычку суетливо метаться по жизни и напрочь утраченный в какой-то момент этих метаний здравый смысл.

После института Анька успела поработать в психологической консультации — там-то и познакомилась с Жизелью, пришедшей снять непосильный груз: переживаний — с души и лишней наличности — с кошелька. Удивительно, но клиентка прикипела к моей подруге, совсем, кажется, не предназначенной для своей профессии, и периодически звонила даже по окончании их психотерапевтических бесед.